

«Рано или поздно
книга найдет своего
читателя, если
ее на книжной полке».

Юмор библиотечарей
Карфагена

Лекарство от... тоски

Анатолий

ЮРЧЕНКО

Сатира, юмор

г. Кировоград
1998 год

ОТ АВТОРА

(вместо предисловия)

Нет, сограждане, никакого кризиса жанра нет — и быть не может!

Все давно всё поняли. Все давно знают, над чем смеяться можно, а над чем — нельзя. И только те, которые попадали впросак тогда, норовят попасть туда и сегодня. "Над голубыми можно?" — "Можно!" — "А над жёлтыми?" — "Пожалуйста!" — "А над жёлто-голубыми?" Длинная-длинная пауза в ответ. И всё ясно! Лучше смеяться над серо-буро-малиновыми.

И вообще никакого кризиса нет на пути к всеобщему благоденствию. Ну, разве что понятие всеобщего благоденствия немного изменилось. Ну, свет в конце тоннеля свой цвет поменял. Или неважно что. Но ведь сам свет остался! И тоннель — остался... Так о чём беспокоиться, кроме здоровья?..

А о нём и вовсе беспокоиться незачем! Вон аптек сколько! А лекарств!.. От головной боли. От температуры. От чего еще?

И бегут серо-буро-малиновые сограждане. "Лекарство от... есть?" — "Сколько угодно!" — "А сколько стоит?" — "А сколько захотим!"

Или вот ещё история.

С одним нардепом.

Он сдуру свои собственные деньги в какие-то чужие акции вложил. Хотя был очень умным. Что даже депутатом стал. А дивидендов нету! Так он сгоряча из автомата... нет, не из Калашникова... из телефона-автомата (они тогда ещё бесплатными были) начал в самый главный офис — по дивидендам — звонить. А вся троллейбусная остановка слушает. А он кричит. "Передайте, — кричит, — что я ему... отрежу!" А вся остановка слушает. Вдруг действительно отрежет? У него же неприкосновенность! А у того, может быть, "крыша". И он то самое депутату сделает... Ёлки-палки, и так рождаемость падает, чтобы с лучшим генофондом так поступать!..

И если в этот момент не начать смеяться, то...

Нет, не надо "то". Лучше всё-таки смеяться.

Потому что смех — сам по себе лекарство. От головной боли. От тупости. От раблепия. От жадности. От глупости — своей и чужой. От...

Самое незаменимое лекарство от...

Утром засорился унитаз и жена с ходу начала кричать на Тютюхина. Тютюхин молча встал с дивана, достал из-под ванны тросик, сунул его в унитаз и молча стал там крутить.

Тросик был что надо, как раз для такого дела — и через пять минут унитаз работал как миленький.

Зато перестала течь вода из крана и жена с ходу начала кричать на Тютюхина.

Тютюхин бросил аэробику. По выходным он не пропустил ее ни разу. А тут бросил. И даже выключил телевизор. И встал с кресла. И погасил папиросу. Девочки на экране тоже погасли, а

Тютюхин молча пошел в ванную. Достал тросик, сунул в кран и молча стал его там крутить.

Вода хлынула как из Ниагары.

Но тут заглохла газовая колонка. И жена с ходу начала кричать на Тютюхина.

Тютюхин отложил кроссворд и достал тросик.

Через минуту колонка ревела почище бомбардировщика на форсаже. Но тут погас газ. И жена начала...

Тютюхин отложил, встал, достал.

Газ загорелся.

Но отключился холодильник.

И жена начала.

Но не смогла.

— Тютюхин, — сказала жена шепотом, — ты хоть что-нибудь можешь без крика сделать? У меня от тебя уже горло болит.

— Могу, — сказал Тютюхин. Отложил, встал и достал. — Открой рот, пожалуйста.

— Зачем? — удивилась жена шепотом.

— Сейчас наладим, — сказал Тютюхин.

И показал ей тросик.

— В Англии, — сказала приглашенная, — автобусы ходят двухэтажные. Кто хочет — внизу сидит, кто не хочет — наверху. Аудитория недоверчиво зашумела. — А те, кто ехать хочет, они что делают? — Как что, — растерялась приглашенная.

— Поднимаются в автобус и едут...

— Так запросто и поднимаются? А кому на следующей выходить? У дверей не стоят? А кому через одну выходить? Не стоят за теми, кому на следующей? А кому через две? Не стоят за теми, кому через одну? А кому через восемь? Они что, не у входа стоят? Дураки они, что ли, на второй этаж лезть?!

— Ну, я не знаю, — замялась докладчица, — сидят... На втором этаже... Сама видела...

— Это у них маршрутные такси такие! В них стоя — нельзя, — догадался кто-то. И весь клуб вздохнул с облегчением.

— А может быть, у них в автобусах вообще мало ездят, — возразила докладчица немного нервно. — Они там все на автомобильчиках. На маленьких таких. Двухместных. Или одноместных...

— А на дачу? Ящики они куда ставят?

— На дачу... В другом автомобиле. Наверно...

— А на рынок? Опять в другом? Психи они, что ли, каждый раз автомобиль менять?!

— А может, и психи! — закричала докладчица. — У них, если хотите, на все случаи автомобили. У них даже коров, если хотите, на пастбище на специальном транспорте возят. Утром — на пастбище. Вечером — с пастбища. Транспортom! Специальным. Представляете? Для скота!

— Да у нас давно такой транспорт есть, — взорвался зал.

— Троллейбус называется!

— Почему троллейбус? Трамвай тоже.

— Автобус забыли!

— Как зажмут в дверях...

— Подумаешь, зажмут. А по рогам обидчику — и всё! И поехали!

ЧУТКОСТЬ

Снег всё падал — холодный и колючий.

"Так и замерзну, — подумал Чичихин уже без горечи. — И буду стоять, как памятник неизвестному пассажиру, который не дождался своего автобуса".

Наверно, это была последняя четкая мысль, потому что сразу после нее Чичихин обнаружил себя в легковом автомобиле, летящем куда-то в ночь. И почему-то понял сразу, это — не такси.

Превращение в живого человека было мучительно и прекрасно. Чичихин чувствовал, как отступает стылая неподвижность монумента. Но как попал он в эту машину?

Может быть... Чичихин скосил глаза на водителя. В мерцающем сквозь снег свете редких городских фонарей лицо его казалось... да, казалось... пожалуй, даже... да, симпатичным!.. Но... или знакомый какой?

— Не терзайтесь напрасно, — сказал вдруг водитель, усмехаясь и прибавляя скорость. — Мы с вами незнакомы.

— Как это незнакомы? — забеспокоился Чичихин — монументом он себя уже совсем не чувствовал — и быстро оглянулся. Места позади были пусты. Но хорошо это или плохо? — Разве можно вот так, посреди ночи, за здорово живешь посадить в машину незнакомого человека?

— Ночь? — улыбнулся водитель. — Какая ночь — еще не вечер!

— Какой еще не вечер? — всерьез испугался Чичихин. — Куда вы меня везете?

— Туда. Куда вам надо. Домой, наверное.

— Ага! — обрадовался Чичихин. — Значит, разыгрывали? Знаете же, где я живу?

— Да там полгорода живет, — отмахнулся водитель. — А автобус только один ходит.

— Да? И вы такой смелый, что...

— Я не смелый, — снова улыбнулся водитель, — я чуткий. — И добавил: — И осторожный. Я вас на всякий случай привязал.

Чичихин дернулся. Кошмар! Он действительно был привязан.

— Извините, — тут же отреагировал водитель. Улыбка у него стала виноватой. — Я неудачно пошутил. Это всего лишь ремень безопасности.

Улыбка эта нравилась Чичихину все меньше.

— Между прочим, денег у меня нет. Так, мелочь на автобус.

— Не в деньгах счастье, — обронил незнакомец и снова прибавил скорость. Теперь улыбка его казалась Чичихину зловещей.

— Чуткость, — пробормотал он в отчаянии. — Отзывчивость... А вдруг я крутой какой-нибудь, а? Рэкетиры? Вообще киллер? — Водитель внезапно расхохотался.

— Да, шутите вы круто! Киллер... На автобусной остановке!.. Крутой — на автобусе! Я вас как увидел, сразу подумал: замерзает — а все равно, есть в нем что-то!

— Нет! Нет у меня ничего, — закричал Чичихин в ужасе. — Часы у меня — и те остановились. Четыре дня уже!.. Перепутали вы.

— Ни с кем я вас не перепутал, — сказал водитель. И Чичихин увидел, что он больше не улыбается. — Не знаю я вас. И не видел никогда. Не встречал.

— А вдруг? — цепляясь за последнюю надежду, спросил Чичихин. — Ну, хоть где-нибудь. Ну... в вырезывателе, что ли...

Незнакомец сбавил скорость и внимательно посмотрел на Чичихина.

— Нет. Никогда не бывал в вырезывателе.

— И я не бывал, — поник Чичихин. — Я вообще не пью.

— Так в чем дело?

— Не знаю, — сказал Чичихин вяло.

— Ну, хорошо, — сказал наконец Чичихин еле слышно. — Деньги вас не интересуют, предположим, но что же?.. Что? Я не банкир. И не народный депутат. И в налоговой инспекции никого у меня нет. И в администрации. И ценных вещей я с собой не ношу, у меня их и дома-то нет. У меня даже квартира не приватизирована! И выкуп за меня никто не даст. Меня, если что, и искать-то, наверно, не будут... И вообще... выпустите меня, пожалуйста... Если можно... Я про вас никому не расскажу.

Машина остановилась. Путаясь в ремне безопасности, Чичихин кое-как выбрался наружу и долго смотрел вслед удаляющимся огням.

"Чуткость, — прошептал он. — Надо же такое придумать — чуткость... Хотел бы я знать, чего ему в самом деле было надо..."

ПИСЬМО НЕ НАШЕМУ ПРЕЗИДЕНТУ

Уважаемый господин президент! Поскольку президентов у нас теперь много и на слово "товарищ" ни один не откликается, я нарочно пишу "президент" с маленькой буквы. Как его писали, когда писали только об одном президенте — вашем. К нам на днях наш Президент приезжал. По этому случаю даже электричество четыре дня давали. Чтобы мы по

телевизору посмотрели нашего Президента в нашем городе. А как уехал — сразу воду выключили. Чтобы крепче запомнили.

А газ пока не отключают. Потому что еще не отпечатали талончики на жизнь. Розовые — на месяц, голубые — на полгода. А как отпечатают, всем сразу по справедливости дадут розовые. Потому что у нас — это не у вас. Это у вас — демократия. А у нас — социальная справедливость.

И поэтому голубые тоже дадут всем. По предъявлении квитанций об оплате газа, электричества и всего остального. И если очередь успеет подойти. А еще к тому времени колбаса опять будет по два двадцать.

А власть будет не только при власти, но даже научится этой властью пользоваться. И все, кто сомневается, сомневаться уже перестанут. Потому что бесплатное здравоохранение у нас как было, так и осталось. Даже операцию могут сделать бесплатно. Если принесешь свой скальпель, наркоз для хирурга, фотопленку для рентгеновского аппарата, шприцы, белые тапочки и все, что скажет врач, который согласится тебя резать.

А еще говорят, уважаемый господин президент, что ваш пилотируемый полет на Марс откладывается только потому, что добровольцев не нашлось, а мартышек Общество защиты животных не разрешает. Поэтому я вам сообщаю, что я согласен.

В принципе я согласен не только на Марс. Но и вообще куда пошлете. Вот только своего скафандра у меня нет. И звездных карт. И кислорода. Мне его уже и здесь при всей нашей свободе не хватает. Поэтому готов лететь с ограниченным запасом — лишь бы подальше и подольше. Зато одного кусочка мыла мне хватает на квартал. Тюбика зубной пасты — на два. Стирать мы все научились без порошка. Поэтому вы на мне еще здорово сэкономите. Я ведь не мартышка, которой каждый день банан подавай. И никакие Общества защиты животных не вмешаются. Мне свояк из села сала пришлет — на дорогу хватит. А сухарей я еще в начале перестройки насушил. Как чувствовал...

Вы только не подумайте, что я от трудностей бегу. Хотя трудностей, конечно, много. Входите, говорят, в рыночную экономику. А учебников по ней хороших нету! А Драйзер, говорят, уже устарел. А Достоевский — вообще не про это.. Поэтому, если можно, вы мне еще учебник какой-никакой в дорогу дайте. И не страшно, что на Марсе каналы есть, а воды в них нету. "Водоканал" нас и не к такому приучил! Вы мне разрешите перед отлетом разок под душем помыться — и все. И — вперед!

Жду вызова. Фамилию, на всякий случай, не сообщаю. Верю, что найдете по почерку. Только, если что, найдите меня раньше, чем еще кто-нибудь. С дружеским приветом заранее вам благодарный будущий покоритель космических пространств.

СО ВСЕЙ ДУШОЙ

Вокруг больницы росли большие деревья, и упитанные голуби сидели на ветвях, дожидаясь неосторожных прохожих.

Когда скрипнула дверь и в палату вошел Пантюков, Михал Михалыч лежал на кровати и, глядя в причудливое переплетение голых веток на фоне гаснущего неба, думал о том, что скоро, наверно, наступит весна...

— А ничего ты тут устроился, — сказал Пантюков, включая свет и разом разрушая очарование зимних сумерек. — Этак и я бы поболеть не отказался. Ну, как дела? Только по-быстрому, а то сегодня третью серию показывают.

— Давай по-быстрому, — улыбнулся Михал Михалыч. — как там у вас? Отчет сдали?

— Сдали-сдали, — сказал Пантюков и положил на белую тумбочку два ярко-оранжевых апельсина. — Вот, от месткома... Н-да, устроился. Только телевизора не хватает.

Михал Михалыч осторожно взял апельсин и прижал к щеке. От апельсина пахло рыжим солнцем, весной, дружеской улыбкой.

— Спасибо, — сказал Михал Михалыч, вдыхая целительный запах. — Спасибо... Так как там у нас на работе? Как отчет?

— Что — на работе? На работе как на работе, — отмахнулся Пантюков.

— Ты-то как? А то, говорят, сердце. И это, говорят, — давление и в затылке ломит.

Михал Михалыч беспокойно шевельнулся.

— Зря, наверное, не скажут, — признался он неохотно. — И сердце, и ломит...

— Точно! — обрадовался вдруг Пантюков. — Все ведь совпадает!

— Что совпадает? — переспросил Михал Михалыч севшим вдруг голосом и почувствовал, как влажнеет апельсин в его ладони.

— Все! — повторил Пантюков в восторге. — У меня ведь то же самое! В затылке вдруг — дз-з-з. И сердце — тук-тук, тук-тук. Дз-з-з — тук-тук. Дз-з-з — тут-тук. Особенно после праздников. Вот прошлый раз...

Михал Михалыч положил апельсин на тумбочку и внимательно посмотрел на Пантюкова.

— Ты же опоздаешь!

— Куда?

— На третью серию.

— А может, здесь посмотрим? — предложил Пантюков. — Есть у вас на этаже телевизор?

Михал Михалыч пожал плечами и отвернулся к окну. Небо за стеклом уже погасло, окно казалось совсем черным.

— Слушай, да ты что? — удивился Пантюков. — Ну, ты даешь. Я вот не верил, думал, разговоров больше. А ты уже и телевизор не смотришь!

Михал Михалыч молчал, мучительно пытаясь вспомнить, что всего несколько минут назад заставило его думать о весне.

— Опоздаешь, — вздохнул он наконец. — А там третья серия все-таки.

— Да ты что! — возмутился Пантюков. — Что мне третья серия, если тут человек, может, на финишную прямую выходит!.. Третью серию, если что, мне и жена расскажет. А ты, главное, не волнуйся, — продолжал он, опережая нетерпеливое движение Михал Михалыча. — На меня посмотри: я же не волнуюсь. Я сам больной насквозь — я же не волнуюсь. Они же, врачи, не смыслят ни черта! Я же не волнуюсь!

— Извини, — сказал Михал Михалыч глухо. — Спасибо, что зашел. Нашим привет... Нехорошо мне что-то...

— Мне, по-твоему, хорошо! — взорвался Пантюков и нервным движением сунул в рот папиросу. — Если бы только сердце! А нервы? Без этого дела, — он взмахнул папиросной коробкой, — уже и заснуть не могу. Или кашель... У тебя кашель есть?

Михал Михалыч бессильно покачал головой.

— Я же тебя просил, — сказал он совсем тихо. — Как там дела?... Как отчет?..

— Отчет ему! — не выдержал Пантюков. — Я к нему со всей душой, а ему отчет!.. Ты думал, без тебя и жизнь остановилась? Да сдали, сдали мы отчет — так что спи, как говорится, спокойно, дорогой друг...

Больше Пантюков ничего не успел сказать. Михал Михалыч резко побледнел и откинулся на подушки. Невесть откуда в палате появились сестры, захлопотали у кровати врачи, замельтешили белые халаты. Пантюкова оттеснили в угол, к самому окну, и он долго наблюдал оттуда, как суетятся вокруг больного медики.

— Ну-ну, голубчик, — сказал врач, когда Михал Михалыч наконец открыл глаза, — разве можно так? Ну-ну, успокойтесь. Поставим вас на ноги — всех нас еще переживете.

И тогда Пантюков выбрался из своего угла, пробился к постели и, наклоняясь к самому уху больного, сказал с обидой:

— Что же ты мне голову морочил? Я ведь не то что ты, я неизлечимо болен. Ты вот не дослушал, а у меня еще, между прочим, насморк хронический. А это никто уже не вылечит!

Миленький мой, я все поняла по твоему взгляду и спешу сообщить, что согласна. Время сейчас трудное, поэтому пусть кольца будут медные. Я на все согласна, тем более на это.

Горе ты мое, и когда это я успела так в тебя влюбиться! Наверно, сразу в тот момент, когда увидела тебя через закопченное стекло, на котором кто-то написал: "Аля + Герасим = Муму". Ты ответил мне таким проникновенным взором, что я

тоже прониклась. Хотя еще не понимала чем. Правда, на какой-то миг мне показалось, что ты смотришь на подругу, но это ничего — ни на какую другую женщину ты больше смотреть не будешь, только на меня.

Кстати, хорошо, что в троллейбусе я ехала с подругой. Она тебе когда-то делала прививку от чего-то и помогла мне найти твою карточку в регистратуре. Она тебя хорошо запомнила, потому что ты ходил жаловаться к главврачу. Но она же не виновата, что ты такой худенький и, чтобы сделать укол, нужно долго прицеливаться. А прививка к тебе так и не привилась, но я тебя за это еще больше люблю.

Но все решила последняя встреча, когда мы оказались в одном троллейбусе, но на разных площадках. Я так и не смогла пробиться к тебе через толпу и поэтому вышла на своей остановке. Жаль, что не смогла, а то бы тебе несдобровать (шучу).

Расписываться согласна в любой день, когда ты решишь, только заберу сапоги из ремонта, не хочется идти под венец в старых туфлях. Кстати, вес у меня от такой жизни 95 кг, поэтому обещаю носить тебя на руках. Ты не представляешь, что тебя ждет. Плакать у меня ты будешь только от счастья. Все тебе будут завидовать.

Автобиографию пришлю позже, когда ее перепечатают в трех экземплярах. Основные факты такие:

- 1) пела в школьном хоре (правда, плохо, но за столом петь смогу);
- 2) выпускала в восьмом классе стенгазету (могу это делать и теперь, отражая в стенной печати радости, будни и достижения нашей семьи);
- 3) в медучилище регулярно выезжала на картошку (значит, не белоручка и не шаромыжница).

Недостаток у меня только один: подгорают котлеты. Но это совсем не страшно, правда? Стены и потолок потом можно побелить, да и ты мне в этом поможешь.

Физически я здорова, потому что корни у меня крепкие. На днях заболел зуб мудрости (не бойся, миленький, больше ничего не болит) из-за того, что вволю поела той самой резинки без сахара, которая предохраняет с утра до вечера. Так врачу пришлось выбивать его молотком. Знал бы ты, как я ему сочувствовала. Целых сорок минут! Сейчас рот открывается только до половины, но это тоже не страшно — до свадьбы заживет.

Если тебе не нравится мое имя Федотья, разрешаю называть меня так только днем, а ночью можешь звать как захочешь. Как только захочешь — так сразу и зови.

До свиданья, мой миленький, горе мое! Целую тебя невинным поцелуем, чтобы ты не сошел с ума раньше времени.

Навеки твоя Федотья (еще раз повторяю — только днем).

Меня прошлым летом в кино снимали. Подошел на рынке здоровенный мужик с видеокамерой и говорит:

— Нравится мне твое лицо.

Вот, думаю, не повезло.

— Ладно, — говорю, — мне бы петрушки пучок, а без приключений я как-нибудь сам обойдусь.

— Будет тебе, — отвечает, — и петрушка, и лаврушка. С таким лицом лавры тебе обеспечены.

Ага, думаю, снял меня, видно, скрытой камерой. Сейчас приставать начнет. Чтобы видеокассету купил. На память. А он продолжает.

— Я — режиссер: кино снимаю. На 250 серий. Очень мне лицо твое нравится. А что нос кривой — это еще лучше. Он тебе

мужественности прибавляет. Правда, главной роли я тебе не дам, но в эпизодах двух-трех...

Я говорю:

— А зачем?

— Ну, если тебя деньги не интересуют, о славе подумай.

— А зачем мне слава?

— Затем, что денег я все равно не предлагаю. Зато потом, когда его купят Мексика, Аргентина, Бразилия и Болгария...

— Ладно, — говорю, — согласен, если по-быстро. А то меня жена ждет. Только не профессионал я...

— А мне, — говорит, — профессионалы ни к чему. Я методом неореализма снимаю.

— Таким методом, — говорю, — уже пятьдесят лет никто не снимает.

— Правильно, — говорит, а сам меня уже тащит куда-то. — Поэтому у меня, по сути, нео-неореализм.

— А сценарий, — спрашиваю, — есть?

— Есть.

— А почитать можно?

— Нельзя.

— Почему?

— А он у меня здесь. — И по лбу себе стучит. И подводит к двери с надписью "Пункт охраны общественного порядка". Тут я, конечно, совсем успокоился. И правильно сделал. Внутри милиционер сидит и все актеры. А режиссер меня представил и продолжает: — Это Наташа. Ты с ней, значит, в ресторане сидишь и соблазняешь. — Наташа мне заулыбалась, и я сразу понял, что сниматься в кино не такое плохое дело. — А потом в парк ведешь. И продолжаешь соблазнять. В каком-нибудь укромном месте. Где-нибудь на качелях. Или на каруселях. Я бы вас вообще на колесо обозрения посадил и повыше поднял. Вот если бы ты ее там соблазнил...

— А по сценарию, — спрашиваю, — как предусмотрено?

— А как получится! Ты, главное, соблазняй ее поактивнее. Чтобы все это зрелищно было, динамично. Ну, и она, конечно, кричать будет, царапаться, милицию звать...

— Нет, — говорю, — не согласен. Как я в понедельник с расцарапанной рожей на работу пойду?

— Да мы все технически сделаем. На левой щеке царапины гримом нарисуем. А снимать будем с правой. Лицо чистое, а потом к камере другим боком повернешься — царапины! Понял?

— Понял.

— Вот и умничка. А потом еще один эпизод — и все.

— Какой эпизод?

— Такой. Ты уже своего добился — и по парку идешь. Один. А навстречу

— компания. И тут уже ты, извини, жертвой насилия становишься.

— По-настоящему?

— Ну, это уж как получится. Самое главное — чтобы зло не осталось безнаказанным.

Я подумал.

— А можно этот эпизод завтра снять?

— Завтра нельзя.

— А почему?

— Завтра я свадьбу запечатлеваю. Причем настоящую — не киношную. К тому же был у нас один такой. Вдруг и ты на завтра не придешь? Где я другого артиста с таким лицом найду? Так что мы сейчас снимать начнем, а ты в массовке постои, поучись. А потом — сразу в ресторан.

Пошли мы снимать. Прямо на рынке. Милиционера с собой взяли. Чтобы, значит, на случай чего... А я в массовке стою и все думаю. Ресторан — хорошо. Колесо обозрения — тоже ничего. Если, конечно, мне падать с него не придется. Нет, если для искусства — я бы упал. Просто высоты с детства боюсь... Тут, смотрю, снимать начали.

Один такого крутого играл — он даже красный пиджак надел. И фикса поставил. Он между рядами ходил — и все ему не так. Редиска — не такая. Яйца — дорогие. Салат — вялый. Лук — не того цвета. И все бумажником играет — то достанет, то спрячет.

А режиссер все это снимает.

А другой — тоже крутой. Но в другом роде. Он момент улучил — и тому крутому в карман полез.

Ну, весь рынок так и ахнул. А потом поняли, что это кино — и заулыбались все. Тетка, у которой редиска не такая, стоит и улыбается. Мужик с вялым салатом и дорогими яйцами — улыбается. Хотя с таким салатом улыбаться просто не с чего.

Артисты — и те не выдержали. Тоже заулыбались. Этот, в красном пиджаке, оборачивается и говорит с улыбкой:

— Ты че, в натуре?

А тот тоже улыбается, словно дядюшку из Америки с полными карманами гостинцев увидел.

— Я че, в натуре, я ниче, в натуре.

И бежать. Прыг через забор — прямо на проезжую часть.

— Стоп, — кричит режиссер, — снято! Следующий эпизод снимаем. Как этого придурка самосвал соььет.

Ну, этот эпизод уже весь рынок пошел смотреть. Тут и самосвал, как по заказу. Водитель камеру нацеленную увидел — сам остановился. За измеритель скорости, как видно, принял.

Режиссер ему говорит:

— Очень мне твое лицо нравится. Мы сейчас перед машиной того парня положим, а ты должен из машины выйти и за голову схватиться. От твоего лица вся Мексика рыдать будет.

— А ГАИ? — водитель спрашивает. — ГАИ рыдать не будет?

Но как про Бразилию с Болгарией услышал, согласился. Тут и "скорая" подъехала. Когда нужно — в жизни не дождешься. А в кино сниматься — пожалуйста. Хотя все и понарошку. В том смысле, что все живы.

Водитель из кабины самосвала выбрался, за голову схватился, стоит, несчастный, лыбится, сил нет.

Санитары носилки разложили, потерпевшего кладут, озабоченно головами качают, лыбятся, как на свадьбе своей не лыбились.

Доктор на ходу пульс щупает, суетится, всем своим видом показывает, что больной безнадежен, лыбится, будто его главврачом всей Европы назначили.

Режиссер на массовку камеру нацелил — стоят все в ряд, лыбятся, как на приеме, словно им сейчас ордена дадут.

Я и сам уже чуть не засмеялся, но как представил себя в роли жертвы насилия... В общем, когда режиссер в "скорую" забрался, чтобы всякие там капельницы изнутри снять, чесанул я оттуда без оглядки. Даже петрушки не купил.

А тот фильм, он, может, готов уже, его, может, вся Южная Америка уже купила. Когда у нас показывать будут, вы меня сразу узнаете. По той самой массовке. Единственный человек, который не улыбается, — это я.

Я гениальный драматург.

Теперь я это знаю точно.

Правда, первой моей пьесе повезло сразу.

Ее даже прочитали. Сначала завлит, потом очередной режиссер. Режиссер даже потащил мою пьесу — зачем-то вместе со мной — на худсовет.

Худсовет, однако, проявил бдительность.

С экспрессией, свойственной людям театра, мне живописали все ужасы,

которые воспоследуют, стоит поставить мою пьесу. Худрук и герой-любовник в лицах изображили сцену под названием: "Добыча полезных ископаемых бывшими работниками Н-ского театра в местах не столь отдаленных". Главный художник при этом служил им декорацией. Актрисочка — пассия худрука, светясь от негодования, изображала нечто среднее между полезным ископаемым и урановой рудой, считать

которую полезным ископаемым могут только разработчики атомных реакторов.

Я ушел с худсовета со смешанным чувством. У меня было чувство, что мою пьесу смешали с полезным ископаемым.

Второй моей пьесе тоже повезло. Она провалилась только на премьере. До этого все шло хорошо. Ну, естественно, пошивочный цех не успевал. Столярный тоже. Две актрисы упали в оркестровую яму. Взорвался софит и помреж. Электрик отпоил его валерьянкой. Все было хорошо.

На премьере стало ясно, что актеры абсолютно не справились с ролями, текстом, нервами, режиссерским замыслом и похмельем после генеральной. И только два актера играли то, что надо, и так, как надо. Поэтому именно на них обрушился весь огонь критики.

Стиснув зубы, я сел писать новую пьесу! Она могла стать первой отечественной пьесой для двух актеров. Но не стала. Один из этих двух не выдержал. Ушел. На телевидение.

Я стиснул зубы и решил их больше не разжимать. Но тут худрук загорелся новой идеей. Спасти театр чем-нибудь совершенно кардинальным. Поскольку я и сам уже ни во что не верил, я сел писать новую пьесу.

Такого не было еще ни в одном театре мира.

Вспыхивал и гас свет, освещающий длинный коридор коммунальной квартиры. Зритель успевал увидеть закрывающуюся за кем-то дверь. Где-то в кухне бубнило радио. Зажигались полоски света под дверями комнат. Вразнобой звучали телевизоры. Грохотала вода из сливного бачка. Грохотали шаги, и кто-то стучался в темноте. Звучал гимн Советского Союза. Слышался голос диктора: "ТАСС уполномочен заявить..."

Пьесу приняли. Отвергли. Снова приняли. Снова отвергли...

Наконец, когда сокращение штатов, о необходимости которого говорил худрук, стало объективной необходимостью, пьесу приняли к постановке. Критики обозвали ее гениальной задолго до премьеры — и оказались правы. Провал был гениальным! Двери хлопали не в лад. Вместо света включался звук, но исчезал, стоило включиться свету. Сценография была великолепна, но не работала на замысел режиссера. Музыка работала — но не в том ключе. А сам режиссерский замысел ни на что не работал, поскольку замысла не было, а концепция никуда не годилась. Я стиснул оставшиеся зубы: выход был один. Надо было написать пьесу, которую не смог бы испортить никто...

И вот сегодня я смотрю спектакль по лучшей своей пьесе. Уже много вечеров подряд идет он с неизменным успехом. Я добился всего, мне нечего больше желать. Я знаю: это вершина.

В городе давно нет театра. Его здание арендует коммерческая структура. Но зал и сцену здесь сохранили. Еще бы! На этой сцене выступал сам великий Безнадий-Ламповецкий. И вот каждый вечер... Кстати, я тоже работаю в этой структуре. Ночным директором. В смысле вахтером. Ночь

отдежурил — два дня дома. Поэтому свой спектакль я смотрю через два дня на третий. Когда становится ясно, что никто меня уже не потревожит, я на цыпочках вхожу в зрительный зал. Действие в разгаре, и я осторожно устраиваюсь где-нибудь сбоку. Сюжет я знаю наизусть, но каждый раз восхищаюсь точностью замысла и филигранностью трактовки. Громко стучит сердце — это худрук колотит по столу кулаком, объясняя, почему нельзя ставить мою первую пьесу. Две актрисы бесполезно падают в оркестровую яму. Я сижу один в пустом темном зале перед пустой темной сценой. В темноте проходит жизнь — моя и не моя, — из темноты пришедшая и уходящая в темноту. Но я безумно благодарен создателям этого шедевра.

Потому что я не только гениальный драматург. Я еще и гениальный зритель.

ИДЕЯ!

Вместо послесловия

У нас всегда так! Когда есть идеи — нет денег. Когда деньги — никаких идей! Просто диву даешься, откуда что берется — деньги у безыдейных и идеи у безденежных. Взять хотя бы парламент. Идеи у них — сколько угодно. Кроме одной — где взять деньги на их осуществление.

Ладно, дарю идею. Бесплатно. Потом сами принесете — даже то, о чем не мечтал никогда. Цветы к ногам класть будете. Аккурат под надпись на постаменте: "Спасителю нации".

Значит, так. Берем карту, но географическую. Причем нашу. И линейку. Проводим осевую линию. Теперь все, что слева, — продаем. Конечно, левая часть — к сердцу ближе. Поэтому продаем с болью в сердце. Ничего, Аляску когда-то тоже продали. Но по-глупому! Записали: "На сто лет — то есть навечно". А когда сто лет прошло, оказалось, что навечно еще не кончилось. Мы чужие ошибки повторять не будем. Поэтому продадим за большие деньги.

Теперь так. Половину денег кладем в банк. Под большой-большой процент. И лет, эдак, на пять — чтобы процент побольше вырос. Вторую половину себе оставляем. Чтобы правая часть пять лет как-нибудь продержалась.

Через пять лет забираем деньги из банка. И покупаем левую часть обратно. Платить, конечно, придется больше. Так ведь и процент вырос!

Может, еще что-нибудь чужое прикупим... Теперь представьте, что в той, левой, части творится! На месте наших рухнувших заводов новые корпуса стоят. Все поголовно трудятся. Все налажено... Люди, правда, немножко другие. Воровать разучились. Оказалось, хорошо работать — лучше, чем воровать. Потому что, когда не работаешь, а только заходишь, чтобы отметить и пузырь раздавить, наступает момент, когда украсть уже просто нечего.

Вот теперь всем тем, кто справа все эти пять лет только отмечался, сразу жутко захочется в левую часть.

Ан нет! Быстренько по осевой линии ставим высокий забор и продаем уже правую часть. Опять денежки в банк кладем — ну, немножко себе оставим, так, на причуды всякие — и снова пять лет ждем.

Ну, через пять лет в правой части все уже в порядке. Новые корпуса! Поголовная занятость! Люди другие — слегка косоглазые и чуть желтокожие. Но нам на это плевать! Мы все равно покупаем обратно. И теперь у нас везде — справа и слева — все хорошо.

Если, конечно, за эти пять лет мы то, что слева, не доведем до того, что было справа пять лет назад.

«Забавы» 9'98

Анатолий ЮРЧЕНКО

Художник Георгий Топников

«ЛЕКАРСТВО ОТ...»

Тираж 4800